

КРОКОДИЛ

Бор. Гельфанд - 41

Рис. Бор. Гельфанда

С НАСТУПАЮЩИМ

— Без пяти двенадцать! Приготовиться к встрече! Прицел пять, трубка восемь!..

Два сорок первых

1
Еще до поздравления «С новым годом!»
(Который через пять минут придет)
Прощается перед своим уходом
Советский старый, сорок первый год.

Он шлет привет отважным командармам,
Окидывая взором города,
Откуда нашим выбита ударом
Проклятая фашистская орда.

Он слышит за собой слова команды:
— «Вперед!» — И молвит: «Счастливы вы
вполне
Тем, что разгром тевтонской наглой
банды
Победоносно начат был при мне!»

Цвети, страна единства боевого,
Где каждый воин бьется, как герой!
А подвиг твой — даю я в этом слово —
Со славой довершит сорок второй.

Он будет мне преемником достойным,
Он ринется со свежей силой в бой.
Привет ему! Я уйду спокойным,
Победы оставляя за собой.

2
Отрепье на фашистском старом годе.
Он весь от ран и холода дрожит.
О нем не скажешь: «Старый год уходит»...
Какое там «уходит». Он — бежит!

Бежит стремглав, с простреленною
грудью,
Шепча: «Зачем я на Восток пошел?»
Бежит, теряя танки и орудья,
По трупам негодяев из СС.

Трусливо озираясь украдкой,
Он видит — в недрах европейских стран
Трещат стропила «нового порядка»
Под топорами славных партизан,

Союз держав антифашистских крепнет,
Не за горами — правды торжество!
И ветер от снарядов бурно треплет
Клочки кровавой бороды его.

И, оставая за собой проклятья
Миллионов вдов, сирот и матерей,
Он мчитя вскачь, гонимый нашей
ратью.

Спеша исчезнуть в вечности скорей.
Николай АДУЕВ.

Веселый разговор

ХВАСТУНЫ бывают разные.

Есть хвастун, склонный к небольшим преувеличениям:

— Как дал я ему по уху, он как перевернется три раза в воздухе да как перелетит через забор...

Есть хвастун — веселящийся бодряк:

— Как даст он мне по уху, а я ему говорю: «Слабо, дать еще раз». Он как размахнется да как звезданет, тут я, — вот смеху! — и покатился...

Но еще не было такого хвастунишки, который, склонютав себе по морде, с гордостью заявил бы:

— Как даст он мне, так я на радостях и переехал на новую квартиру.

Этаким странным получателем пощечин оказался небезызвестный Адольф Гитлер.

Ему Красная Армия как даст под Ростовом, как всыплет в Ельце, как двинет в Тихвине, как треснет в Клину, как шлепнет в Калинин, как звезданет под Москвой, как хлопнет в Волоколамске, как стукнет под Ленинградом, а он заливчато заявляет:

— Ничего особенного. Переезжаю на новые, зимние квартиры.

Небывалое переселение. И притом такое молниеносное, что переселяющийся теряет по пути зубы, мебель и домочадцев.

Как известно, Гитлеру этот «переезд на новые квартиры» обошелся дорого: он впопыхах потерял сотни тысяч своих солдат и офицеров, много танков, орудий, пулеметов, и, между прочим, на тряских дорогах России упала и разбилась легенда о непобедимости германской армии.

У фюрера испортилось настроение. Он начал несвязно лепетать о русской зиме. Она, коварная, во всем виновата. Кабы в этом году не было зимы, был бы полный «новый порядок».

Зима, конечно, не церемонится и не собирается церемониться с фашистскими захватчиками. Но ведь на юге, под Ростовом, не было тогда ни вьюг, ни морозов, ни снежных сугробов.

Когда-то один малолетний ребенок удивлялся следующей игре природы:

— Станешь собаке на хвост, а она визжит ротом...

И вьюги, и морозы, и снежные сугробы действительно были.

Но на севере.

Каким же образом мурманская погода повлияла на Клейста под Ростовом?

Действительно, игра природы: станешь собаке на хвост, а она визжит ротом...

Но так или иначе, а собака не в духе. Она скулит.

Победные завывания кончились. А вместо этого берлинское радио порадовало немцев такой вестью:

«В третий раз мы празднуем Рождество во время войны. Теперь на карту поставлено все. Смерть нависла над нашими сыновьями, отцами, мужьями и братьями».

Успокоенные и утешенные этим сообщением, немцы бодро слушали дальнейшие излияния фашистского радио:

«В этом году, — продолжал диктор, — мы не хотим и не можем делать подарки. У нас нет ничего лишнего... Давайте условимся: не дари ты мне ничего, и я тебе ничего не буду дарить»...

Геббельс прошмыгнул в кабинет Гитлера:

— Фюрер, вот тут маленький подарок к новому году. Только что сострелял новое сообщение о нашей победе —

Унтер Фриц Доннерветтер окружил русскую дивизию. Изящный подарочек...

Фюрер прервал его:

— Давайте, Геббельс, условимся: не дари ты мне ничего, и я тебе ничего...

Веселый разговор!

Г. РЫКЛИН

— Что тебе пожелать, Фриц, к новому году
— Прежде всего — дожить до него.

Зеркало,

или новогодние гадания в новой имперской канцелярии

Над Берлином стояла страшная, непроглядная новогодняя ночь. С Восточного фронта дул ледяной ветер. Старый 1941-й год, положив в свой мешок шесть миллионов убитых, раненых и пленных немцев, собрался в путь.

Стрелка часов показывала без четверти двенадцать. Гитлер бегал по своему кабинету в новой имперской канцелярии и нервно размахивал руками.

— Под Ленинградом бьют, — бормотал он, — под Москвой бьют, под Волоколамском бьют, под Калининском — бьют, под Ростовом бьют, под Можайском — бьют... Доннер веттер!.. Ад'ютант!

Вошел ад'ютант.

Гитлер остановился перед ним в позе Наполеона и отрывисто бросил:

— Где не бьют?
— Не могу знать.
— Болван.
— Слушаюсь.
— Ступай!
— Так точно.

Гитлер поерошил волосы, вытер со лба холодный пот и снова забежал по кабинету.

— Под Тулой 20.000, — нервно забормотал он, — под Калининском 80.000... Доннер веттер!.. Ад'ютант!

Вошел ад'ютант.

— Гадать!
— Чего-с? — не понял ад'ютант.
— Я говорю — желаю гадать. Я верю в свою звезду. Я должен написать своим непобедимым войскам новогодний приказ. Я должен приоткрыть своему народу завесу будущего. Понятно?

— Так точно.

— Приготовить все для новогоднего гаданья. Желаю гадать, как древний грек, по внутренностям животных. Принести молодого теленка и вспороть ему живот. Ну?

— Никак нет.
— Чего никак нет?
— Теленка никак нет.

— Что? В Берлине нет теленка?

— Так точно. Помилуйте. Где ж его взять, теленка?

— Болван! Тогда волоки сюда быка, корову, свинью, барана... Ну? Чего ж ты стоишь с глупой улыбкой? Нету, что ли?

— Так точно. Нету.

— Гм... Может быть, козы есть?

— И коз нету.

— Так. Неприятно. Ну, в таком случае я буду гадать на чем-нибудь другом. Буду гадать не как древний грек, а как древний славянин. Чорт с ним. Не важно. Тащи сюда курицу и зерно. Будем кормить курицу счетным зерном.

— Помилуйте! Вашесиясь... — плаксиво сказал ад'ютант. — Откуда же у нас куры? Откуда же у нас зерно? Ни одной курицы, ни одного зернышка!

— А Украина?

— Все потребили.

— Кто потребил?

— Доблестная германская армия.

— Негодяя. Только и знают, что жрать да жрать. Не запасешься... Скверно. Ну, ничего не поделаешь. В таком случае не буду гадать, как древний славянин, а лучше буду гадать, как древний француз: на кофейной гуще. Давай сюда кофейную гущу. Ну? Чего ж ты стоишь? Гущи нет, что ли?

— Так точно. То-есть никак нет. Гуща есть, только кофею нет.

— Дурак!

— Слушаюсь.

— Совершенно нет кофею?

— Ни зернышка.

— Так-с. Печально. Ну, да ничего не поделаешь. В таком случае не буду гадать, как древний француз, а буду лучше гадать, как древний... Как древний... Уж и не знаю, что и придумать... Не знаешь, как еще можно гадать?

— Можно еще гадать на картах, — робко сказал ад'ютант.

Лицо Гитлера побагровело.

— На картах? — закричал он, — на каких картах? Может быть, на топографических? На

военных? Мерси. Я уже гадал. Пошел вон, мерзавец!

— Слушаюсь.

— Постой! А на чем еще можно гадать?

— Не могу знать.

— А ты подумай.

Ад'ютант наморщил лоб и стал думать. Думал долго. Наконец нерешительно переступил с ноги на ногу.

— Можно еще гадать... Только не знаю, стоит ли...

— Говори!

— Можно еще гадать на зеркале.

— На зеркале? Очень хорошо. Зеркало. Мне это даже нравится. В этом есть что-то древнеарийское.

— Только, вашесиясь, не советую... Потому что зеркало, оно... Как бы это сказать...

— Молчать. Неси сюда зеркало. Приказываю.

Через минуту на столе Гитлера стояло зеркало. По бокам его горели две свечи. Стрелки часов показывали без одной минуты двенадцать. Гитлер сел к столу и осторожно заглянул в зеркало. И в следующую секунду раздался его отчаянный, душераздирающий вопль.

Ад'ютант бросился к Гитлеру. Фюрер лежал в глубоком обмороке. Ад'ютант осторожно потер ему уши. Гитлер открыл глаза и простонал:

— Доннер веттер! Мерзавец! Я тебя просил принести зеркало, а ты мне подсунул какую-то отвратительную сумасшедшую рожу. Убери сейчас же!..

Над Берлином стояла страшная, непроглядная новогодняя ночь. С Восточного фронта дул ледяной ветер. Часы пробили двенадцать. Дверь новой имперской канцелярии открылась. На пороге гитлеровского кабинета стояла малютка — новый 1942-й год. Он держал под мышкой большой гроб.

Мороз, как говорится, в таких случаях крепчал.

В. КАТАЕВ

СТАРЫЙ ГОД (новому): — Не имея, к сожалению, возможности лично присутствовать на похоронах господина Гитлера, я поручаю это вам, мой юный преемник.

Под сводами Истории

БЛИЗИЛАСЬ полночь. Тысяча девятьсот сорок первый германский год собирался отправиться к берегам Леты — в далекие края забвения.

Он возился у изрядно помятого танка с зияющими пробитыми в броне и ворчал сквозь зубы:

— Не заводите мотор, доннер веттер! На этом одре, пожалуй, и до Леты не доедешь! Врр, как холодно!

Ему было действительно холодно, хотя он был одет в полную зимнюю форму германской армии: под рваной летней пилоткой — византийский старушечий чепец, а на ногах — фланелевые дамские панталоны.

Наконец, мотор закашлял, зафыркал, и танк тронулся в путь.

С последним — двенадцатым ударом часов он достиг берегов Леты. Из будочки вышел перевозчик мертвых душ старик Харон и спросил казенным голосом:

— Пропуск в вечность есть?

— Есть, есть, — ворчливо отозвался тысяча девятьсот сорок первый германский год.

— Проезжай! — сказал Харон.

Войдя под вечные своды, тысяча девятьсот сорок первый германский год подтянулся, приложил два пальца к пилотке, стукнул каблучками и оттранпортовал:

— Тысяча девятьсот сорок первый год явился в распоряжение Истории.

Старые немецкие годы, возлежавшие на мраморных ложах, поднялись со своих мест и с любопытством стали оглядывать пришельца.

— Как там дела, тысяча девятьсот сорок первый? — спросил его тысяча девятьсот сороковой германский год — бравый эсэсовец, весь в ремнях, как конь, с великолепным «вальтером» у пояса. — Мы, надеюсь, побеждаем?

— Не совсем, — сказал тысяча девятьсот сорок первый германский год. — Так сказать, на некоторых участках!.. В общем мы перегрупп-

ировываемся... А короче говоря, нас начали бить, братцы!

Нас бьют?

— Бьют. Русские бьют, англичане бьют. Вы меня извините, господа, что я чешусь: совсем завшивел на Восточном фронте!

— Могли бы своих насекомых не тащить с собой в Историю. На земле надо было помыться. Все-таки здесь вечность!..

Из дальнего угла к тысяча девятьсот сорок первому германскому году подошел дряхлый, седой, как крыса, немец на костылях. Это был тысяча девятьсот восемнадцатый год.

— Здравствуй, внучек, — прошамкал тысяча девятьсот восемнадцатый германский год. — слышал — бьет нас Красная Армия?

— Бьет, дедушка!

— Небось, русские партизаны тоже житья не дают?

— Не дают, дедушка.

— Господи ты, боже мой!.. Ну, совсем как со мной. Солдаты наши недовольны?

— Недовольны, дедушка.

— И в стране недовольны?

— Да уж не без этого!

— Катастрофа, пожалуй, разразится, а, внучек?

— Разразится, дедушка, ох, разразится. Я за мальчишку — за тысячу девятьсот сорок второй — очень опасуюсь. Минуточку! Слышите, господа!

Старые германские годы насторожились. Откуда-то издали донесся детский плач.

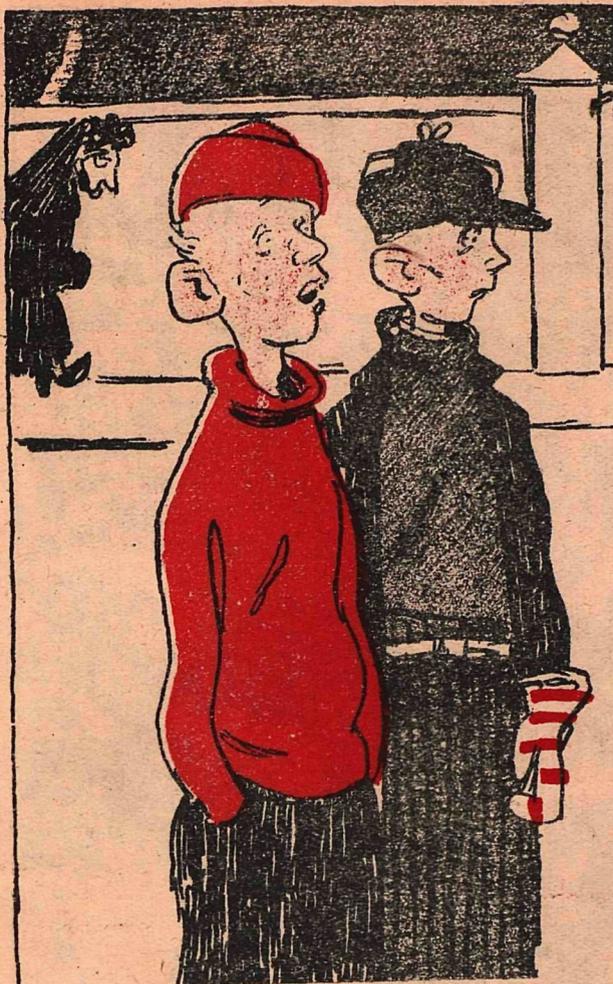
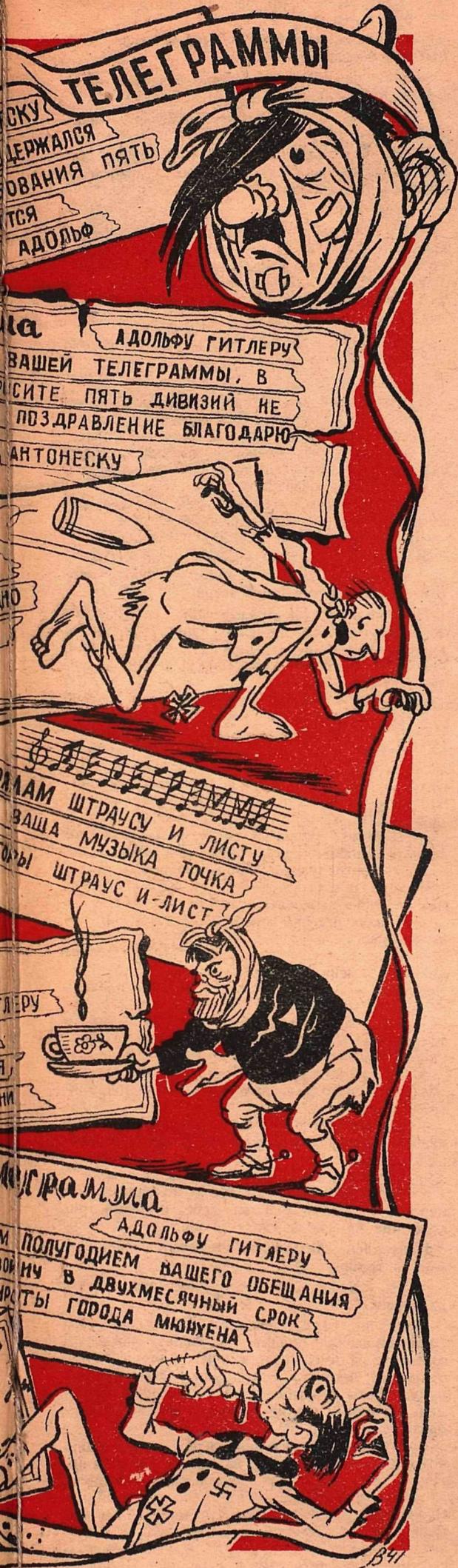
— Тысяча девятьсот сорок второй немецкий плачет, — наконец сказал тысяча девятьсот восемнадцатый год, — только наступил, а уже, поди, приходится отступать.

— Мальчишку бьют! — авторитетно заметил тысяча девятьсот сорок первый германский год, — русские его бьют. Боюсь, что по ягодицам! Ай, ай, ай, как плохо!

Под сводами Истории снова стало тихо.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

— С новым годом.

ЮГ
41.

ПРОЧНАЯ РЕПУТАЦИЯ

Не знаем — кстати иль не кстати
(Пусть сам, кто хочет, разберет)
Герр Геббельс объявил в печати,
Что наступает новый год.
Но немцы праздник не встречают.
— «Нет, дудки! Нас не проведешь!
Раз Геббельс пишет: «Наступает»
То ясно всем; что это ложь!»

ТОЧНАЯ РИФМА

Захотел майор фон Танке
Выпить водки на Фонтанке.
Но известно нам из сводки,
Что не пить фон Танке водки.

Николай АДУЕВ

Честь мундира

Фрау Марта из Нассау
Очень счастлива сегодня:
У себя в столовой фрау
Стол готовит новогодний.

Стол скромнее, чем у Круппа
И других арийцев истых.
Все же дамочка для супа
Три картофелины чистит.

Вдруг раздались двери с треском,
Чтоб дорогу сделать шире.
В них стоял мужчина веский,
Весь в гестаповском мундире.

Этот воин из гестапо
Вел себя ужасно браво:

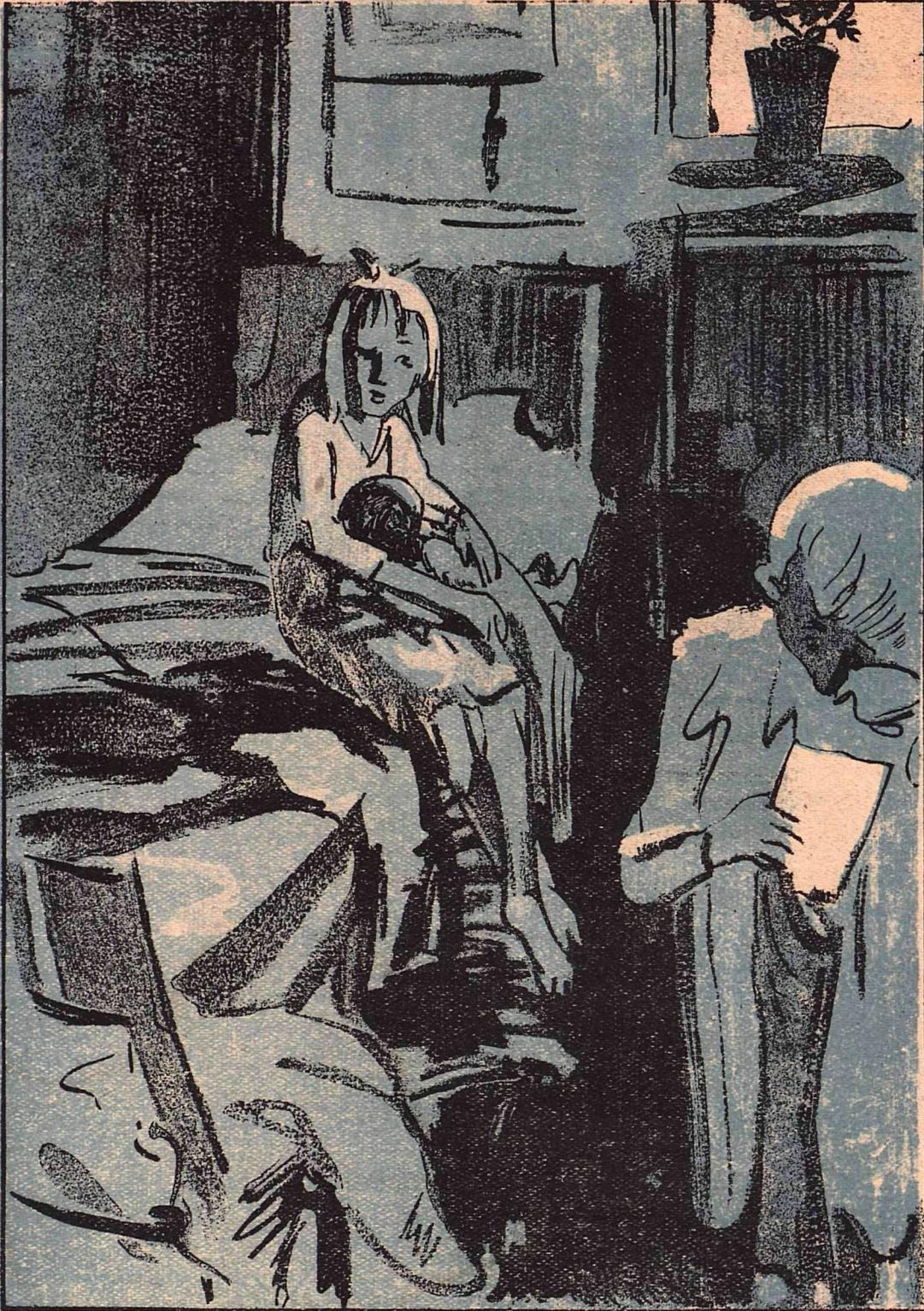
Он, картофелины сцапав,
Пробуравил взглядом фрау:

— Мы с подличным вас поймали, —
Загремел он, как mortar, —
Вы мундир с картошки сняли.
Оскорбили честь мундира!

Это — нового порядка,
Скажем прямо, поруганье.
Я за гнусную повадку
Наложу на вас взысканье.

Он немедля, без оплошки,
Разобрался в деле чести
И — крамольных гри картошки
Отобрал и с'ел на месте.

В. ГРАНОВ

Новогодний подарок Гитлера.

Сказка

В НЕКОТОРОМ царстве, в некотором государстве завелась мода—время от времени кунштшюки выкидывать. Старики сказывают, что прежде жил народ ученый, ел хлебец печеный, пил кофей молотый, грыз сахар колотый, а пуще всего уважал пиво и сосиски с капустой. От сосисок ли, а может, по другой какой причине, сделался этот народ до того умный, что даже обезьяну выдумал!

Но вот с годами, то ли пища хуже стала, то ли просто этот народ умом пообносился, а только завелась в нем Коричневая Рвань... А тут еще случился, как на грех, один пропонца, не то из выгнанных штабных писарей, не то унтер

из хоззвода. Из себя такой, что, отворотясь, не согласишься, красавец—во весь нос румянец. Одним словом, создал бог и сам смеется...

Ходит он вокруг Рвани Коричневой и поет ей в уши:

— Вы же себе цены не знаете! Вы же не простая Рвань, а Коричневая! Вы вот что: выберите-ка меня своим главным ферфлюхтером, мы тогда весь наш народ обманем и он нам будет голыми руками из мешка ершей таскать...

— А как ты народ обманешь? Он умный, он обезьяну выдумал!

— Ничего! Я слово такое скажу, волшебное: «Эйн, цвей, дрей, реванш-кунштшюк!»—и все будет зер гут.

— Ну, вали, попробуй,—говорит Рвань.— А что нам перепадет?

— Все на свете и топор!—отвечает он.— Водку нить любите?

— Любим!—в один голос отвечает Рвань Коричневая.

— Ну вот: каждый из вас ежедневно будет пьян не пьян, а немножко вдребезги. Людей резать любите?

— Еще как!

— Ну вот, вы и пойдете впереди всех блички крики устраивать. И каждый из вас зажжет тогда—одна нога в меду, другая—в патоке. Только условие такое: сейчас же начинайте везде «хай» кричать да меня величать.

Закричали.

— А теперь—режьте каждого, кто не будет «хай» кричать.

Зарезали.

И вот начали все оставшиеся в государстве жители хай поднимать, а к чему этот хай—сами пока понять не могут. Конечно, ученые их люди, которые обезьяну выдумали, сразу сказали, что этот хай до добра не доведет. А ферфлюхтер осерчал:

— Я,—говорит,—сам не умею обезьян выдумывать и другим не позволю! Я всех этих ученых живо за конверт да в ящик!

И велел половину ученых пострелять, а остальных посадить в тюрьму. А тюрьма по-ихнему называется танцлагерь.

Ну, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Сказал унтер «эйн, цвей, дрей», превратил чуть не весь народ в Рвань Коричневую, дал каждому по ножу и повел резать. В одной стране порежет—в другую идет. И так и далее. И говорит своей шатни:

— Ну, как, сукины сыны, довольны?

— Премного благодарны, господин ферфлюхтер! Только дозвольте сказать: у нас ведь одна нога в меду, а другая не в патоке... На Острове Буяне есть страна, которая нам подчиниться не желает и о нашей гибели мечтает.

— Ничего,—отвечает унтер,—мы до Острова потом доберемся, а сейчас пойдемте в две недели Восточную Державу заберем...

И ведь пошли дурачки! Их жители, которые из недоодревших, говорят унтеру:

— Больно широко шагаешь: смотри, штаны не разорви...

— Ничего,—говорит унтер,—моя телега доедет: у меня в запасе есть ось...

— Так ведь ось-то ось, да как бы плакать не пришлось...

— Ах, такой разговор?! Посадить их в танцлагерь! А ну, где мои славные макаронишки? Позвать сюда Мозолини!

А он тут как тут:

— Чего изволите, ваше высококровопролитие?..

— Да вот тут Восточная Держава половину нашего войска переколотила. Давай еще своих солдат!

— Не могу, ваше высококровопролитие...

— Ах, так?! Денежки брать можешь, а макаронников жалко? Я же тебе, подлецу, покажу, на чем коза хвост носит!

Испугался Мозолини, хлопнул шапку о землю и говорит:

— Эх, ладно: ешь мою милостыню—я еще собираю.

Мозолини солдат прислал. Обалдеску прислал. Привезли солдат на фронт, посадили голым местом в снег, а они сидят и домой открытки пишут: дескать, спим на снежном пуху, одеты в рыбьем меху, а харчи такие: день не едим, два не едим, третий погодим и опять не едим...

А тут еще подкузьмил унтера город один, который он с тех пор называет Разгром-на-Дону... Как говорится, не светило, не грело, да вдруг припекло... Унтеру впору домой ноги уносить, да боится он, что теперь свои жители устроят ему и разгром на дому... Выходит—и впереди ему смерть, и позади смерть, так что пропадать ему в середине. Пропадет вся Рвань и сам унтер-подлец, тут и сказке будет конец!

Алексей РЕЗАПКИН

НОВОГОДНЯЯ ВСТРЕЧА
В ОДНОЙ ИЗ ОККУПИРОВАННЫХ СТРАН

Рис. Ю. Ганфа

— Скоро у нас будет двенадцать часов, и тогда мы сможем приступить к встрече Нового года.

Метким ударом

(По столбцам фронтовой печати)

ОТ КРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

Один фашистский солдат спрашивает другого:

— Скажи, Ганс! Нам фюрер говорил, что мы идем освободить мирное население. А от чего мы должны их освободить?

— Дурак! Ясно — от их жизней и их имущества!

(«Во славу Родины»).

У ВХОДА В РАЙ

На утро была назначена атака. Полковой поп обратился к немецким солдатам с проповедью. Чуть трезвый, он бойко описал райское блаженство, ожидающее каждого немца, которому посчастливится умереть в бою против большевиков.

— Все немцы, убитые в России, попадут в рай! — орал пьяный поп.

— Ну, тогда я лучше в ад направлюсь, — сказал один из солдат. — Наши наверняка все райское добро начисто растащили, их ведь там миллионы.

(«Сталинец»).

ДИСЦИПЛИНАРНОЕ ВЗЫСКАНИЕ

Фельдфебель: — Мерзавцы, я вам покажу, как нарушать дисциплину! Рядовой Хельбат!

Солдат: — Я!

Фельдфебель: — За самовольную от-

лучку сажаю тебя на десять дней в карцер на хлеб и воду. Понятно?

Солдат: — Понятно, господин фельдфебель. Чувствительно благодарен. Наконец-то я перестану сидеть на одной только воде...

(«Фрунзовец»).

В НЕМЕЦКОМ ГОСПИТАЛЕ

— А этот солдат куда ранен?

— В рот, господин полковник...

— О, в таком случае представьте его к награде.

— Почему?

— Такая рана дает нам возможность экономить продукты питания.

(«Фрунзовец»).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Изд-во „Правда“

Подписная цена на журнал — 1 р. 60 коп. в месяц

Рукописи не возвращаются

A14134.

Изд. № 1215.

Подписано к печати 30/XII -1941 г.

Статформат 72x105 см.

Печ. л. 1.

Кол. зн. в 1 печ. л. 76000

ОБЯЗАТ. ЭКЗАМПОЛЯРЫ

Рис. Л. Бродаты

— Ну, что ж Марта, пора и нам зажигать елку.

луч.
в фел.

1941-

Сдан
расчет